

байланышы, экинчиден, коммуникативдик кырдаалды эске алышыбыз абзел. Баарлашуудагы негизги ачкыч тил жана маданият болгондуктан тилди үйрөнүп жаткан студенттерге жана орус тилинде окуп бүтүргөн студенттерге тилди жакшы өздөштүрүп кетүүсү үчүн:

1. Чыгармачылык тапшырмалар.
2. Текшерүүнүн формасы катары тест-тирлөө.
3. Көрүү-угуу каражаттарын колдонуу.
4. Сөздүк менен иштөөлөрү.
5. Инновациялык технологиялык окутуу.
6. Мамлекеттик тилди үйрөнүүгө компемент-тик мамиле жасоо болуп саналат.

Тилди окутууда, үйрөтүүдө тилге байланышкан материалдарды кеңири даярдоо талап кылынат. Студенттин лексикалык запасы бай болбошу да мүмкүн, бирок негизги максат сөздөрдүн маанилерин түшүнүү жана пикир алышууда колдоно алууларында турат.

Сабак – бул татаал жана жооптуу маселеле, ал убакыт менен уюштуруу иштеринин айкалышышындагы окуу процессинин бөлүгү жана маанилүү этап болуп саналат. Ошондуктан студенттердин тил үйрөнүүсүндө сабактын эң негизги өзөгү катары сабактын технологиясы, берилиши жана максаттардын ишке ашуусу болуп эсепелет. Көбүн эсе окутуучунун сабакта койгон талабы, студенттердин бул сабакка муктаждыгына да байланыштуу болорун билебиз. Ошондой талаптардын ишке ашуусунда сапаттуу заманбап сабактар болушу керек жана ал үчүн:

– Усулдук окутууну активдештирүү студенттердин кызыгууларын ойготуу, сүйлөшүү, чындыкты издөө, эркин иштөөгө үйрөтүү.

– Окутуунун усулдук багытын колдонуу, окутуучу башкы ролдо болгондуктан сабактагы башкы талаптарды чечүү үчүн студенттерге багыт берип туруусу керек.

– Интерактивдик усулдарды колдонуу, студенттер менен окутуучунун биргелешип иштеши зарыл.

Орто кесиптик окуу жайларында интерактивдик окутууну колдонуунун өзүнчө элементи катары дискусия, оюндар, мээге чабуул усулдары, ушундай эле кесипке байланышкан жекече жана жалпы студенттердин катышуусундагы тапшырмаларды аткаруу да болуп эсептелинет. Интерактивдик усулдарды сабакта дайыма колдонуу студенттердин активдүү болушуна,

маалыматтарды же жаңы сөздөрдү эске сактап калууларына үйрөтүп, тилге кызыгууларын арттырат. Кесипке байланышкан ар кандай кырдаалдарга карата студенттерге дискусия сабактарын көбүрөөк өтүү шарт. Мында сабак сөзсүз түрдө окутуучунун башкаруусунда эркин кырдалда өткөрүлүшү зарыл. Студенттерге дискусия сабактары жагат, мындай учурларда алар кызыгуу менен иштешет. Эркин сүйлөөгө, ойлорун толук айта алууларына, тартынбастыкка жана ачыктыкка көнүшөт. Кесипке байланышкан орто окуу жайларында дагы бир жемиштүү интерактивдик окутуунун элементи болуп оюндар да таасирдүү болот деп айтсак болот. Ар кандай кырдаалдарга жараша оюндарды уюштуруу – бул оюндар аркылуу сөздөр жана түзүлгөн сүйлөмдөрдү эске сактап калууга өбөлгө түзөт, ошондой эле студенттердин кызыгууларын арттырат.

ПАЙДАЛАНЫЛГАН АДАБИЯТТАРДЫН ТИЗМЕСИ:

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация /Слова:-м.:2000.
2. Мусаев.С.Ж. Кеп маданиятынын маселелери/ С.Ж.Мусаев-Б.;1993 ж
3. Карагулов Д.К., Бузурманкулова А.А. Инновациялык багытта окутуунун педагогикалык технологиялары /Весиник,И.Арабаев атындагы КМУ,Бишкек,2014

УДК 323.22 (570)

Аалиева Нурзат Карыбековна,
КМЮАнын

философия жана социалдык-гуманитардык илимдер кафедрасынын доценти, ф.и.к.

моб. т.: 0779771133

e - mail: aalievna@mail.ru

Аалиева Нурзат Карыбековна,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Кыргызской государственной юридической академии

Aalievna Nurzat Karybekovna,

candidate (Ph.D) of Philosophy sciences,

docent at the Department of Philosophy and social and Humanitarian sciences of the Kyrgyz State Law Academy

УЧУРДАГЫ БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ САЯСИЙ ПРОЦЕССТЕР ЖАНА АЛАРДЫН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

POLITICAL PROCESSES AND ITS PECULIARITIES IN THE MODERN CENTRAL ASIA

Аннотация: Илимий макала учурдагы Борбордук Азия мамлекеттериндеги саясий процесстерди жана алардын социомаданий өзгөчөлүктөрүнүн теориялык жана практикалык маселелерин изилдөөгө арналган.

Аннотация: Научная статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем особенностей политических процессов и их социокультурных особенностей в современной Центральной Азии.

Annotation: The scientific article is devoted to the research of the theoretical and practical problems of the introduction and effective use of the special features of the political processes and their social and cultural specialties in the modern Central Asia.

Негизги сөздөр: социомаданий стандарттар; саясий өздүк окшоштук; трайбализм; инсандын керт башына сыйынуучулук; жаңжаал; демократия; авторитаризм; саясий элита; тоталитаризм.

Ключевые слова: социокультурные стандарты; политическая самоидентификация; трайбализм; культ личности; конфликт; демократия; авторитаризм; политическая элита, тоталитаризм.

Keywords: social and cultural standards; political self-identification; tribalism; cult of person; conflict; democracy; authoritarianism; political elite; totalitarianism.

Бурные политические процессы в *Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении*, поиски своего лица, потребность в выработке индивидуальных культурно-идентификационных моделей каждой страны, дебаты о национальной идее, поиске своего места в глобальном меняющемся мире, которые происходят как в научных, так и в околонаучных кругах,

определяют место новых политических акторов в мировом сообществе. Безусловно, указанные процессы стимулируют Россию к выработке новых подходов к формированию образа данной страны в этих государствах.

Опыт реформ показывает, что переходные общества своеобразно сочетают **демократические и авторитарные черты**. Поэтому очень важно выяснить, что способствует относительно устойчивому равновесию обществ переходного типа, каким образом можно определить природу и направление происходящих в них процессов. Ведь именно это, в конечном счете, является фактором, определяющим взаимодействие **новых постсоветских государств**, в частности **России и центральноазиатских**, с другими странами [1]. Остановимся на **социокультурных факторах** как детерминанте процесса формирования **образа России в регионе**. Хотелось отметить мнение **Ш. Эйзенштадта**, одного из ведущих теоретиков социологии развития, который подчеркивает, что «комбинации символических и организационных характеристик оказывают значительное воздействие на формирование социальной среды, ее внутреннюю динамику, ее приспособляемость к различным историческим наслоениям, ее способность к развитию. Кроме того, эти факторы, находясь в различных обществах в различных соотношениях, воздействуют также на интенсивность конфликтов в конкретных обществах и формы потенциальной связи межгрупповых конфликтов с системными противоречиями, а также на возможные последствия изменений» [2. с. 90-91].

Центральноазиатские государства - общества, длительное время существовавшие **в пространстве советских социокультурных стандартов**, основанных на **аккультурации культур** всех без исключения народов СССР. Сегодня исследовательский вектор сместился в сторону **компенсаторных теорий**, обращенных к исследованию культур **«государствообразующих» этносов**. Большой прогресс в процессе аккультурации был достигнут в Среднеазиатском регионе в силу **недифференцированной этнической и культурной идентичности местных обществ**, построенных еще **на родоплеменных отношениях** (со сходными явлениями столкнулись США при строительстве **«демократического государства»** в современном Афганистане. В результате когда-то общее историко-культурное пространство Ирана

и Турана, собственно, и являющееся географической Центральной Азией, стало предметом дележа и причудливых изысканий). О советской культурной традиции и ее влиянии на развитие региона можно говорить много, существует немало интересных исследований этой проблемы. Мы исходим из признания значительной степени влияния прошедших 70 лет на модернизационные процессы в регионе, которое не может не сказаться на отношении с Россией в двадцать первом веке.

Распад Советского Союза и объявление суверенитета вернули Среднюю Азию в исходную точку, обогатив общества элементами советской цивилизации, **моноагрокультурами** - хлопком и пшеницей, **монопромышленностью** — в основном добывающей, **монокультурой** - «социалистическим реализмом» [3]. С этим наследством страны региона вошли в XXI век в качестве **равноправных участников** мировых политических, экономических и культурных процессов.

Отвергнув идеологию коммунизма, провозгласив себя ориентированными на рынок, светскими, демократическими и полиэтническими, они принялись за создание и укрепление основ государственности. Но принципы советской культурной политики, подход к культуре как к инструменту обслуживания власти сохранились и в новых условиях, поэтому формирование позитивного образа страны в первую очередь должно учитывать данную культурную политику. Обретя суверенитет, новые государства столкнулись с необходимостью **политико-культурной самоидентификации**. Средства ее достижения различны для каждой из стран региона, но, безусловно, можно выделить ряд общих черт. Например, **В. Ибраева** в своих работах говорит о так называемой **«монументальной пропаганде»** [3, с.23]. Цель этой пропаганды - утверждение глубокой историчности новых государственных образований. Механизм прост: из анналов истории выискиваются наиболее подходящие для этого факты и персоналии, производится ревизия археологических и исторических изысканий, пересматриваются мифология и фольклор. В процессе выработки культурно-идентификационной модели понятия **«суверенное»** и **«национальное»** получают трактовку, основанную на приоритете **«государствообразующих» этносов**, каждый из которых и выискивает своего **«отца нации»**, вставляемого в идеологическую дыру,

образованную развенчанием культа **В. И. Ленина** [3, с.14]. В Казахстане символом нации стал борец с российским колониализмом **Абылайхан**, в Узбекистане - средневековый завоеватель **эмир Тимур (Тамерлан)**, в Туркменистане - ныне покойный герой современности **Туркменбаши**, в Таджикистане - **Исмаил Самани**, основатель династии Саманидов. Эти технологии используются по ряду причин, как объективных, так и субъективных; основная из них - обоснование идеи преемственности власти.

Конечно, можно говорить **о новых культах личности**, о появлении **авторитарных режимов**, но пока современные процессы обозначаются как **«возрождение национальной духовности»** и **«возвращение к традиции»**; именно эти факты практически у всех стран региона являются **детерминантами национальной идентичности**. Процессы поиска идентичности и корней, лозунги возвращения к традиции и возрождению национальной духовности, пафос утверждения древнейших основ государственности и незыблемости суверенитетов в Среднеазиатском регионе, исторические исследования, апелляции к историческим и современным эстетическим системам, привлечение архаических и новых технологий - все подобные усилия направлены **на персональные самоидентификации лидеров**.

Один из центральных тезисов книги заключается в том, что советская политика русификации оказала не такое глубокое влияние на формирование национального сознания населения, как это считалось ранее. Доказательством может служить переход ряда государств региона **на латинскую письменность**. Поддержка национального языка политически выгодна для целей идентификации. Об этом пишет и **С. Хантингтон**: «На языковом фронте дух Вавилонской башни торжествует над духом универсализма и еще раз подтверждает подъем стремлений к цивилизационной идентичности» [4. с. 190-191].

Обсуждая **проблемы лидерства, рекрутирования элит, политический процесс** в целом в современных центральноазиатских государствах, нельзя не упомянуть о явлении **трайбализма**, который в постсоветский период становится **центральным элементом внутренней политики** [5. с. 337-364]. Политологи выделяют разнообразные причины его актуализации, в частности, причину видят в результате **«регенерации»**

феодално-патриархальных, а в Казахстане и Киргизии - *родоплеменных, номадных отношений* (особенно в сельских местностях). Эти отношения фактически легализованы во всех без исключения государствах Центральной Азии [6. с. 13-14]. Среди *основных характеристик трайбализма* можно выделить *детерминирование родоплеменных отношений в политическом процессе*, например, *механизм рекрутирования элит по клановому признаку* и, как следствие, *дифференциацию по родоплеменному признаку*.

Центральноазиатские общества состоят из *племен вторичного типа, субэтносов*. Это своеобразные этнические субстраты, использующие в политических целях идеологию племенной солидарности. Тенденции политогенеза в таких обществах (сообществах) изначально базируются на организации управления по принципу *«племенных ханств и аморфных конфедераций»* [7]. Племена столетиями живут компактно, в ареалах сравнительно изолированных друг от друга. В обществах такого типа *общезнатическая самоидентификация* сочетается с *племенным самосознанием*. Например, в числе *«чистых» таджиков* фигурируют *«намирцы»*, *каратегинцы*, *дарвазцы* - потомки древних обитателей этих мест. *«Нечистыми»* якобы являются *кулябцы и ленинабадцы*, которые смешались с *тюркскими племенами* [8. с. 10]. Подобное деление современных «наций» можно проследить в Казахстане (*северные, южные, западные*), в Кыргызстане (*северные и южные*), в Узбекистане, где *самаркандский клан* ведет борьбу то с *джизакским*, то с *бухарским и ферганскими клановыми группировками* [9].

Всюду положение усугубляется сохранением деления *территориальных общностей* на *субэтнические группы* при одновременном превращении территориальных групп в этнизированные общности, каждая из которых считает себя *этнически более «чистой»*, чем другие. Так, для *ташкентских узбеков «ферганские»* вообще считают, что и не узбеки» [10]. Этническим обществам свойственна архаическая форма культуры политических отношений - *племенной гегемонизм, сепаратизм* и всевозможные разновидности *этнических патронажно-клиентальных связей* (семейно-родственных, клановых, родовых племенных, земляческих). Именно этот фактор *дестабилизирует этническое общество*, затрудняет взаимодействие с ним, а тем более применение к

ним каких-либо технологий формирования имиджа. Еще одним следствием указанной ситуации является то, что этнические общества длительное время имеют слабые внутренние ресурсы для формирования своей государственности. Эта государственность, если и возникает, то базируется *на деспотии, а после падения диктатора* сталкивается с большими трудностями в формировании *демократического строя* [7]. Что касается *официальной интерпретации трудностей переходного периода* правительствами независимых государств Центральной Азии, *постсоветский трайбализм* объясняется как *следствие политики Москвы советского периода*.

Рассматривая проблемы формирования элит в Центральноазиатском регионе, историк *Ш. Кадыров* говорит о *«евронационалах»*. Слой еврационалов - «сформированный в результате частичной модернизации продукт именно национально-этнического развития, прямо принадлежащий новым нациям советской Центральной Азии и положивший основу их национального развития». Определяющим признаком еврационала считается приверженность идее консолидации этносов в нацию через строительство унитарно-централизованного государства, при котором инструменты централизованного государства используются для необъявленной стратификации общества по клановому (этническому) признаку.

Именно этот эволюционный контекст позволяет говорить о еврационалах как историческом феномене, вокруг которого разворачивается интрига политического развития Центральной Азии [11]. В советский период *степень политического контроля Москвы* в республиках Центральной Азии зависела *от уровня европеизации националов*. До сих пор сравнительно *модернизированным* остается *столичный регион* любой центральноазиатской республики, а значит и вовлеченное в его жизнь, в силу территориальной близости к столице, столичное землячество. Таким образом, столица становилась местом скопления и постоянного жительства политически активного класса.

В рамках изложенной концепции представители именно этого слоя и являются *«модернизаторами»* [11]. Исходя из вышесказанного можно сделать следующий *вывод*: чем больше *евронационалов во властной элите*, тем больше

вероятность, что любого рода изменения в той или иной стране региона будут происходить при решающем и определяющем влиянии внешних сил, под которыми в данном случае следует понимать не только крупные государства (Россия, Китай и США), но и активистов из центрально-азиатской диаспоры в Европе, США и России. Поэтому можно говорить о так называемой **«син-политейности»** [12. с. 20-21]. Речь идет о прямом или косвенном политическом управлении и о влиянии «развитых» государственных систем на любые слабо консолидированные, традиционные общества.

Встает вопрос *об оптимальном политическом устройстве государств региона*. Ведущие российские политологи признают сегодня **целесообразность федерализации стран Центральной Азии** по типу **Швейцарской конфедерации** или **Арабских Эмиратов** [13]. Связь между советским и постсоветским периодами состоит в усугублении **этнического регионализма** в результате эмиграции русскоязычного населения. Эти современные реалии являются следствием пассивной политики России по отношению к государствам региона вплоть до конца девяностых годов двадцатого века.

Так или иначе, с подачи некоторых политологов в конце 1980-х–начале 1990-х годов было создано убеждение в **«ненужности» республик Центральной Азии для России и российского населения**. Добровольный отказ России от зоны ее естественного влияния дал повод различным региональным и глобальным силам включить регион Центральной Азии в свои перспективные планы, попытаться усилить там собственное влияние [14. с. 19].

Хотя в 1991-1995 годах **авторитет России** во всех мусульманских районах бывшего СССР резко уменьшился, ей удалось сохранить значительное влияние в центральноазиатском направлении. Этому способствовал ряд объективных факторов, прежде всего проживание в этих государствах **большого количества русскоязычного населения**, хотя за последние годы произошел его значительный отток в Россию и другие государства СНГ. Таким образом, для России наиболее реальным остается **укрепление экономических, военных, политических связей** с центральноазиатскими государствами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Landau J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim states [Text]: / J.Landau, B.Kellner-Heinkele. Hurst and Company, 2001. – P. 56.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций [Текст]: монография / Ш.Эйзенштадт. - М., 1999.
3. Ибраева В. В ожидании Годо: среднеазиатская версия поиска идентичности [Текст]: сб. док.// Навигатор. / В. В. Ибраева - Б. 2005. Март. С.10-26.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст]: монография / С. Хантингтон - М.: Изд-во АСТ, 2003. - С. 457.
5. Кадыров Ш. Институт президентства в клановом постколониальном обществе [Текст]: // Люди и мифы. Сборник статей из журнала «Вестник Евразии» /Сост. С. А. Панарин. / Ш. Кадыров - М.: «Наталис», 2003. № .2. - С. 337-364.
6. Акишев А. П. Центральная Азия: новое средневековье? [Текст]: // Сборник статей. // Тамыр. / А. П. Акишев - Алматы. - 2000. - № 1 (2).
7. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?». [Текст]: // Сб. док./ Ш. Кадыров - Осло, 2005.
8. Чвырь Л. А. О структуре таджикского этноса (Научная и народная точка зрения) [Текст]: // Сборник статей. Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. / Л. А. Чвырь . - М.: Наука, 2001. - Ежегодник. 2001. - Вып. 27. - С.11-16.
9. Глумсков Д. Узбекский рецидив ... или узбекская свобода [Текст]: // Сборник статей // Эксперт-Казахстан. / Д. Глумсков. Алмата, 2005. - № 10 (36).
10. Смирнов В. Религия + деньги: кто поднял восстание в Андижане? (Интервью с Вячеславом Смирновым, директором НИИ политической социологии) [Текст]: // Сборник статей // Русский журнал./ В. Смирнов. – М., 2005.
11. Кадыров Ш. Советские и постсоветские политтехнологии в Центральной Азии [Текст]: // Сборник статей из журнала // Вестник Евразии./ Ш. Кадыров - М.: «Наталис», - 2006. - № .4. - С. 13-14.